

Дмитрий
Калин

Книга рассказней

содержит нецензурную лексику

Дмитрий Калинин

Книга рассказов

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Калин Д.

Книга рассказней / Д. Калин — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Книга рассказней» – писательский дебют нижегородского журналиста Дмитрия Калина. В сборник вошел 21 рассказ. По признанию самого автора, это число приносит ему удачу, ведь сам он родился 21 октября. Писатель в своих произведениях вообще уделяет большое внимание символам, каждый его рассказ – это захватывающий синтез реального и иррационального, правды и вымысла, суровой прозы жизни и причудливых фантазий. Характерная деталь «рассказней» Дмитрия Калина – это, безусловно, самобытный и сочный язык повествования. Автор с явным удовольствием смакует, казалось бы, привычные слова и выражения, соединяя их в изысканное кружево повествования и увлекая читателя в мир странных и пугающих иллюзий, цепляя за самые сокровенные струны его души... 18+. Содержит нецензурную брань.

© Калин Д.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Сказка	5
Грачи	9
Дорога	13
Чай с медом	17
Рыбалка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дмитрий Калинин Книга рассказов

Сказка

Вместо предисловия

– Хочешь, я расскажу тебе сказку? – спросил Лешка.

Я аж вздрогнул от неожиданности. Тихо, спокойно; пламя костра облизывает, затем пробует на вкус сучья, принесенные ему в жертву, и с хрустом пожирает; под ногами озеро ксерокопирует звездное небо... И тут такой вопрос.

– Давай сначала выпьем, – предложил я, предчувствуя длинный рассказ.

Стеклянный журавль качнул шеей и, булькнув, выплеснул в сумрак стаканов водку. Мы выпили, не чокаясь. Жидкость обожгла рот и лавиной ринулась вниз. На миг стало трудно дышать, но на помощь пришел надкушенный огурец. Понюхав его по очереди, мы положили закуску на тарелку зеленого дырявого, как сыр, лопуха.

Сигареты вспыхнули в темноте глазами вампира:

– Теперь давай – вещай!

Лешка задумался. Спираль сигаретного дыма посеребрила воздух.

– Жил да был Человек, – начал Лешка. – Жил, жил, жил, жил, жил, жил, а потом – умер. Он замолчал. Я ждал продолжения, но его так и не последовало.

– Это что, все? – не вытерпел я.

– Да, – невозмутимо ответил приятель, ложась на постель из травы и закидывая руки за голову. – Все.

– Какая-то короткая сказка получилась и неинтересная. Где подробности? Как он жил, что делал, что чувствовал, как умер? Это же самое увлекательное.

– Разве? – повернулся ко мне Лешка. – А не все ли равно, как именно он жил. Ну, жил и жил, как все живут, так и он жил, а затем помер.

– Да что ты все заладил, как попугай: «Жил-жил, помер-помер!», – рассердился я. – Совсем не все равно, как он жил. Хороший он был, плохой, может, вкалывал целыми днями, может, ни хрена не делал?

– А какая разница? – глядя в костер, пробормотал Лешка. – Какая разница, как. Как все, так и он.

– А как «как все»? – чувствуя себя полным идиотом, спросил я.

– Да нормально.

– Леша, а Леш, – задумчиво начал я.

– Чего?

– Я человек нервный, измученный нахлебником, кредитами, бытом, чиновниками и прочими паразитами. Могу и в морду дать! Не беси меня!

– Попробуй, – спокойно ответил Лешка, зевая. – А ты-то сам можешь объяснить выражение «как все люди»? – тут же произнес он, видя, что я приподнимаюсь с тухлявого пня.

Я задумался.

– Ну, это когда у человека есть работа, машина там, квартира, жена, дети, дача... Когда он не пьет много, не гуляет, все в дом несет, в отпуск с семьей на курорты ездит. Что еще? Ну и все, пожалуй...

Небо криво усмехнулось ломтиком луны, но тут же скрыло ее ладошкой-облаком и пристальнее взгляделось в нас многотысячьем повеселевших звезд. Озеро приструнило барашки волн, вслушиваясь в беседу. Оцепенели и без того неподвижные силуэты деревьев.

Затухающий костер, получивший добавку, вцепился огненными клыками в деревянные засушенные трупы. Тьма отступила на шаг назад.

– Странно как-то... – продолжил я. – Странно.

– Что именно? – любопытствовал Лешка.

– Да вот это: «как все». Стандарт какой-то, рамки, ограничения. Если за них перейти, то получается уже «не как у всех» – ненормальность, аномалия, чего делать нельзя, табу. Почему нельзя выходить за рамки? Почему нельзя жить «не как все»?

– Не положено, и все тут, – лениво отозвался Лешка. – «Как все» – это планка. Не допрыгнешь до нее – презирать будут, нос воротить. Перепрыгнешь – восхищаться, завидовать, а за глаза ругать и насмехаться. Миллионы людей до нас так существовали и после нас будут – и ничего. Поэтому живи, как все. Так легче и спокойней. Но...скучнее. Давай лучше выпьем.

– Нет, подожди! Не хочу я «как все»! Я по-своему хочу! Весело, ярко, чтобы потом вспомнить что было!

– А зачем? Конец-то один у всех – каморка без окон и дверей. Какая разница, что ты чувствовал, что любил, к чему или к кому был привязан... Это не имеет абсолютно никакого значения. Все уйдет с тобой. Ничего не останется.

– А как же загробная жизнь: ад, рай и вообще?

– Ты их видел? Бывал там? Нет! Ну и молчи тогда в тряпочку. Я, конечно, не знаю... Но, по-моему, фигня все это. Сказки, чтобы общество окончательно не оскотинилось, и умирать

не страшно было. Вот и весь расклад. Да ты не переживай, – добавил он, видя мое растерянное лицо. – Умрем, и умрем. Когда это случится, неизвестно, а пока давай жаждем.

Не дожидаясь моего согласия, он налил половину граненого стакана и сунул его в руку.

Мне стало страшно. Не чувствуя вкуса, я глотнул жидкость и машинально откусил от огурца.

– Ты на него-то особо не налегай, – посоветовал Лешка. – У нас еще одна бутылка осталась. Чем закусывать-то будем? Рукавом?

– Закуска градус убивает, – повторил Бог знает в какой раз я свою любимую присказку. – А на хрена мы тогда вообще живем? Смысл-то какой?

Лешка скривил гримасу:

– Да почему все о нем говорят? Зачем вообще искать то, чего нет!? И талдычат все, и талдычат, как заведенные: «смысл жизни, смысл жизни...» Какой, к примеру, смысл жизни вон у той сосны или березы? Не вижу, чего там растет...

– Липа, – уточнил я.

– Да какая разница! Хоть дуб! Вот у него какой смысл жизни? Растет себе и растет. Одряхлеет – упадет, или срубят его в полном расцвете сил. Ну, дом построят или в костре сожгут. Смысл жизни у него в этом что ли? Потомки этого самого дерева говорить будут молодой поросли: «Не зря ваш предок землю жрал и воду пил! Тепло людям дал, жилье!» Фигня полная! Так же и звери, и птицы, и прочие гады. Что – смысл жизни кролика, чтобы из него шапку сшили или волк его слопал? У скворца или вороны какой? Нет! И не было испокон веков. Так же и у людей! Это они себе напридумывали. Вот некоторые говорят, что смысл жизни – вырастить детей, чтобы они продолжили дело их жизни. Выражение-то какое: дело жизни.

– Ничего особенного, – пробормотал я.

– Нет! Ты не понял. Дело Жизни. Жизнь – это всего лишь дело. Сделал дело, гуляй смело. Передай по цепочке – игра такая. И так, пока она не оборвется, а конец есть у всего. А если он наступит, то зачем дело делать? Результат-то – ноль. Какой в этом смысл? Вот и выходит, что его нет и быть не может.

Повисла тягостная пауза. Лешка, наконец-то, выговорился. Спрашивать его ни о чем не хотелось. Допили в тишине бутылку, открыли новую. Голова уже ничего не соображала. Приклонившись к дереву, я уставился на звезды. Летом они особенно красивы. Мерцают глубоко в небе, перемигиваются между собой, и «звезда с звездой говорит»... Может быть, тоже друг дружке сказки рассказывают: «Жила-была звезда. Жила, жила, жила, жила и погасла»... Висят гроздьями высоко-высоко и одновременно как будто совсем рядом. Протянув руку, я ухватился за сияющий многоугольник. Он легко поддался и потащил за собой стебель цветка. Астра. Одна звезда-цветок, другой, третий... Вскоре у меня уже был целый букет. Один из стеблей не желал поддаваться. Рванул посильнее – полотно неба треснуло, и с него посыпался град апельсинов, погребая меня. Стало трудно дышать.

– Вот, посмотрите, граждане, к чему приводит неверное восприятие квинтэссенции абсолютного неверия, – нравоучительно произнес Лешка, неведомо как очутившийся рядом. Выглядел он как-то странно и совершенно непохожим на себя – бородатый, толстопузый и напоминающий Карабаса Барабаса. – Прав был проводник поезда Москва – Кострома, горячо любимый всеми нами господин Сусанин. Еще будучи полупроводником, он проводил, доводил до сознания людей архиважную дилемму сказочной действительности.

Остановившаяся толпа смотрела на меня с нескрываемой злорадством.

– Так дело оставлять нельзя. Враг будет всенепременнейшим образом разбит и повержен на алтарь всемыслия.

Сотни рук ухватились за носилки, выросшие за спиной, и с песней «Эх, ухнем» потащили меня прочь. Обнаженная девица, прильнув к голому телу, начала шарить и, оторвав часть моего горячо любимого органа, гордо подняла над головой.

На лбу выступил холодный пот:

– Как же я без него!

– Молодец, Дюймовочка! – похвалил Лешка. – Этот образец хозяйственной деятельности поможет поднять производительность скота на птицеферме трех поросят, повысить урожайность молодых яблочек и заткнуть, наконец, рот Говорунам, не умеющим вовремя перебить Кота-баюна.

– Что за хрень ты несешь! – хотел я заорать, но не сумел ни выдать ни звука, ни пошевелиться.

Носилки превратились в гроб, который стали опускать в пропасть. Сверху посыпались горсти земли.

– Покойся с миром, дорогой наш товарищ, – вещал Лешка на краю могилы. – Пусть вода сомкнет свои объятия и будет тебе пухом, а нам радостью и утешением на заслуженном трудовом пути. Да простятся тебе все грехи, самым важным из которых было и остается твое неверие – неверие в то, что закуска спасет мир.

Сумев, наконец, разорвать невидимые путы, я, плача от отчаяния, принялся карабкаться к свету. Лешка запрыгнул в могилу, схватил за плечи и, трясая, стал заталкивать мое тело обратно.

Я от души вцепился ему в челюсть. Приятель, отлетев на несколько шагов, плюхнулся на землю и ошарашенно уставился на меня.

Сердце выпрыгивало из груди, воздуха не хватало.

– Ты идиот что ли? – выговорил, наконец, Лешка, потирая скулу. – Ты мне губу разбил.

Я огляделся: солнце вовсю похлало на небесах, щебетали птицы, тлели остатки костра. Никаких могил, успокоительных речей, гробов, звездных цветов.

– Дюймовочка, – пришло мне на ум. Схватив себя за причинное место, я с облегчением убедился, что все в порядке.

– Я в деревню уже смотался, – продолжал Лешка. – Самопляса надыбал, хлеба, картошки на закуску. Подхожу, ты орешь, как дурак, руками машешь. Ну, думаю, все – кранты: либо припадок, либо белая горячка. Трясти тебя начал, а ты...

– Леш, ты извини меня. Это я спросонок. Снилось, что меня заживо хоронят.

Лешка помолчал.

– Да ладно, бывает. Знаешь, мне однажды приснилось, что я дерусь. И кулаком в глаз жене заехал. Ей на работу утром, а у нее фингал. Давай здоровье поправим, а ближе к вечеру – по домам.

Пить не особо хотелось. Самогонка юркнула в глотку и тут же запросилась обратно. Закинув голову, я не давал ей вырваться наружу. Поняв, что выхода нет, она успокоилась. Покурив, выпили еще.

Со вчерашнего стало развозить. Мозги вновь затуманились. Лешка икнул, улегся поудобнее и принялся гонять по рту травинку.

– Хочешь, сказку расскажу? – усмехнулся приятель.

Я вздрогнул.

– Знаешь, Леш. Иди ты со своими сказками знаешь куда! Лучше наливай. Так жить проще, веселее и удобнее. Хотя...

Грачи

Холодный осенний воздух насквозь пропитался влагой. Мелкий промозглый дождик моросил, не переставая ни на минуту, нагоняя жуткую тоску. Иван Митрофанович поежился и, подумав секунду, поднял воротник фуфайки. Под ногами возмущенно чавкала кладбищенская земля, не желая выпускать из стальных объятий кирзовые сапоги. Ветер гнал по лужам пожелтевшие скелеты листьев. Природа в очередной раз умирала, чтобы весной вновь возродиться к жизни.

– Эх, ну и погоду послал Господь нынче, – подумал Иван Митрофанович. – Как там в Библии-то сказано? «Разверзлись хляби небесные...» Мда-а... Да и внизу ничуть не лучше. Не земля – кислятка¹ сплошная! А вот и могилка. Дошел-таки, наконец.

Он отворил зловеще завывшую дверцу, зашел за оградку и, постояв немного, плюхнулся на сырую скамеечку.

– Совсем бурьяном заросла могилка-то! Холм с землей сравнялся... Да и крест не мешало бы поправить... Видать, некому, – пробурчал Митрофанович и полез в карман за сигаретами.

¹ Кислятка – жидкая грязь (прост.)

Чиркнув спичкой о шершавый бок коробка и прикурив, он с наслаждением затянулся. Посидев немного, Иван запустил руку за теплую пазуху и выволок оттуда бутылку водки, накрытую пластиковым стаканчиком.

– Для сугреву, – объяснил он сам себе, хотя ни чуточки не замерз.

Наполнив стакан до краев, Митрофаныч залпом опрокинул водку внутрь. Чуть поморщившись, занюхал рукавом и снова закурил. Раздражение и обида на весь белый свет, гложавшие во время пути, понемногу отступили. Он огляделся вокруг. В ветках высоких старых деревьев во всю глотку орал черные грачи. Птицы беспокойно металась, перелетая с места на место.

– Вот неугомонные! – подумал Иван Митрофаныч. – Не сидится им спокойно. В теплые края, поди, собрались. Да и то сказать – зима на носу. И отчего грачи так любят селиться на погостах? Мест красивее нет что ли?

Вспомнилось, как давным-давно дед объяснял ему, сопливному мальчугану, этот феномен:

– Душа человека после смерти попадает в загробный мир, – внушал старик внуку, сидя на завалинке и дымя самокруткой, – казалось, он никогда с ней не расстанется. – Если хорошо себя ведешь, слушаешься маму с папой, учишься на одних пятерки, то тебя в рай определяют. А если, к примеру, уроки прогуливаешь, стекла бьешь и куришь – то в ад. Вот попадешь к чертям в лапы, посадят они тебя на сковородку и будут поджаривать.

– А если человек себя никак не вел? Ну, нормально, то тогда куда? – ковыряя в носу, поинтересовался Ваня. Сказка деда его несколько не напугала.

– Тогда, – призадумался на секунду старик, – тогда грачом будешь. Превратит тебя Господь в птицу на веки вечные. Будешь по кладбищу летать да прощения у него просить.

– Дед, а дед, а ты ведь точно в рай не попадешь! – сдерживаясь из последних сил, чтобы не засмеяться, дурашливо всхлипывая, пробормотал Ваня.

– Это еще отчего? – подавился горьким дымом старик.

– Так ты ж куришь! – Ваня задал стрелача так, что только голые пятки засверкали. Несясь во весь опор, он, громко гогоча, слышал, как дед матерится ему вслед.

Иван Митрофаныч тихо засмеялся. Мудрый дед был, царствие ему небесное! Он вновь плеснул водки в стакан и собирался уж выпить, как вдруг замер, вглядываясь в просвет между деревьями.

– Никак, Кирюха идет! Точно! Он! Больше никому!..

По грязи, увязая чуть ли не по колено в лужах, топал невысокий мужичок в черной куртке.

– Здорово, Митрофаныч! – приметив приятеля, заорал мужик. – Ты уже тут! – Подойдя поближе, он протянул руку.

– Ты чего орешь, дурень?! – прошипел Митрофаныч. – Не в лесу, чай! – Покосившись на ноги приятеля, он постучал себе по лбу. – Ты бы еще сандалии одел!

– Так я ж думал, проскочу как-нибудь, – очищая кроссовки от грязи о край ограды, начал оправдываться Кирилл.

– Проскочу, проскочу... Проскочили уже разок, – передразнил Митрофаныч. – Как был дураком, так и остался. Вечно у тебя все не как у людей! Одно слово – баламут!

Тут он заметил протянутую для приветствия руку и сунул в нее налитый стакан.

– Выпей.

– Ну, за встречу! Давненько мы с тобой не виделись... Хорошо! – опрокинув в себя водку, крикнул Кирилл и уткнулся носом в рукав. – А могилка-то заросла, – кивнул он, чуть отдышавшись, за спину Митрофаныча.

– Сам вижу, – буркнул приятель. – Ты лучше на свою взгляни...

Кирюха, улыбаясь в тридцать два зуба, зашел за ограду могилы, стоявшей впритык к митрофаньевой.

– Едрена Матрена! – заорал он через секунду. – Ты гляди: табличку сперли! Ну, кому она, на хрен, нужна?!

– Бомжи, поди, уволокли, – хмуро отозвался Митрофаньч. – На металлолом сдали – аккуратно на бутылку бодяги должно хватить...

– Ну, ничего святого в людях не осталось! – продолжал разоряться Кирюха. – Грех ведь это!

Он еще немного повозмущался и, наконец, успокоился.

– Эй, сосед! Может, еще по одной жажнем? У меня есть с собой. Сейчас в гости приду...

Кирюха выудил из-за пазухи початую бутылку и краюху хлеба. Мужики уселись на скамейку и, не чокаясь, выпили.

– Как у тебя дела-то? – вгрызаясь в горбушку, поинтересовался Кирюха. – Как твоя бывшая поживает?

– Нормально, – буркнул Митрофаньч. Трясушимися руками он достал из кармана прищипку и закурил. – Как только расстались, все грозила на себя руки наложить, в петлю лезла. Не могу, мол, без него! А потом ничего – успокоилась... Через полгода замуж выскочила. Я так думаю, что она для проформы воздух-то сотрясала. Я уж только потом узнал, что у нее еще при мне хахаль был. С ним опосля и сошлась. Ничего, живет себе – забот не знает. Муж ейный – бизнесмен. Мерседесы, шмотки разные... Да Бог с ней... У тебя-то как?

– Да вроде все нормально. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, – заплелся Кирюха. – Нинка дома хлопочет, за хозяйством следит. Вроде никто к ней не захаживает. Сын с невесткой дружно живут. Недавно ребенка родили. Мальчика. Иваном, кстати, назвали. Дочь в этом году школу заканчивает. Все по дискотекам и танцам шляется. Дома почти не бывает. Голова тряпками да ухажерами забита – не до отца ей теперь. Нормально все, в общем. Ну что, еще по одной...

Мужики допили остатки. Говорить ни о чем не хотелось. Они молча курили, думая каждый о своем. Усилившийся дождь колошматил по ним, стекая струйками по лицу. Жирные от влаги тучи скакали по небу, не зная, в какую сторону им податься, чтобы спрятаться от назойливого ветра. Даже грачи немного приутихли, словно поддавшись мрачному настроению природы.

Кирилл покрутил в руках пустую бутылку и, не обнаружив там ни капли, со злостью швырнул ее в кусты. Старушка, проходившая неподалеку, вздрогнула от неожиданности и мелко закрестилась.

– Ты чего людей пугаешь, баламут?! – выйдя из оцепенения, набросился на Кирюху Митрофаньч.

– Да ладно тебе! Проскочим!

– Угу! Проскочили уже разок...

– Ты все ту рыбалку никак забыть не можешь? Эх, и нажрался ты тогда! – встрепенулся Кирюха. – Помнишь, как пустой котелок себе на башку напялил и вокруг костра кругами маршировал – фашиста изображал?.. «Хенде хох!» – все кричал. А потом к проруби с боями прорывался, чтоб искупаться. Еле-еле я тебя оттащил...

– Помню, помню, – пробурчал Митрофаньч. – А еще я помню, как ты меня потом домой повез. Говорил тебе, что лед не выдержит. А ты, мол, на «УАЗике» проскочим... «Ты и не заметишь». Вот и проскочили. Машина аккуратно посреди реки провалилась. Ее, кажись, только ближе к лету со дна-то подняли...

– Да ладно тебе, Митрофаньч! Кто старое помянет – тому глаз вон!

– А кто забудет – тому оба, – отрезал Иван. – Ладно... Пошли – пора. Смеркается уже.

Он встал с лавки и пошел к выходу. Пройдя несколько шагов, Митрофаныч оглянулся и увидел, что Кирюха топчется на одном месте.

– Ты идешь или нет?! Ждешь что ли кого? Так не придет никто!

– Иван, Иван, – вдруг растерянно забормотал Кирюха. – Как же так, Иван? Сегодня же родительская суббота!.. – По лицу мужика гроздьями катились пьяные слезы. Он бросился к другу и уткнулся в промокшую телогрейку.

– Как же так? Ты прости меня, за ради Христа! – волком взвыл Кирюха. – Виноват я! Виноват! Из-за меня все так случилось! Не проскочили мы с тобой тогда!

– Да ладно... Чего уж там, – смущенно пробормотал Иван, глядя друга по голове. – Да простил я тебя уж давным-давно. Не держу зла. Успокойся. Ишь, захмелел-то как с непривычки... Ну, поплакал – и будет. Не проскочили, и не проскочили... Бывает... Успокойся... Ну, вот и ладненько, – Митрофаныч смахнул слезинку со своего лица. – Ты давай, иди... Я тебя догоню.

Кирюха пару раз шагнул и вновь остановился.

– Иван, – тихонько позвал он друга.

– Чего тебе? – повернулся к нему Митрофаныч.

– А жалко, что мы так рано умерли...

– Не от нас это зависит, – пожал плечами Иван. – Ты иди, иди! Я сейчас...

Он в последний раз оглядел неухоженные могилки, подпрыгнул и, взмахнув вороненым крылом, взметнулся в темное небо.

Дорога

Электричка дернулась, лязгнув своими занемевшими железными суставами, и медленно поплыла прочь. Вокзал, завистливо глядя ей вслед, поморгал на прощание желтыми фонарями. Уж такая у него незавидная участь – провожать поезда в дальний путь, а самому во веки вечные стоять на одном месте. Хотя не раз мечтала железобетонная коробка сорваться со своего опустылевшего поста и унести куда глаза глядят.

Вагон электрички был заполнен менее чем на половину – не многие отважились вылезти из теплых постелей ни свет ни заря и трястись в редких автобусах, чтобы успеть к отправлению. Я каким-то чудом заставил себя совершить подобный подвиг. Еще не отойдя как следует ото сна, я сидел на деревянной скамье у самого окна, вглядываясь в непролазную темень. Зимой, как известно, солнце долго нежится в небесной опочивальне, чтобы как следует выспаться перед долгими летними деньками.

Смотреть в темноту было неинтересно, поэтому я раздумывал, чем бы заняться в дороге. Вариантов на ум пришло сразу несколько. Можно поглазеть на пассажиров, почитать припасенную для дороги книгу или подремать под ненавязчивый стук колес. А когда рассветет, вдоволь полюбоваться на заоконный пейзаж. Оглянулся вокруг. Люди пытались кимарить, засунув носы в воротники, – ничего интересного. Впрочем, читать тоже не хотелось. Заснуть же в дороге мне и вовсе никогда не удавалось, несмотря на неоднократные попытки. Во время

путешествий лучше всего просто смотреть в окно. В такие моменты очень хорошо думается обо всем подряд, о чем обычно нет времени размышлять в суете жизненной кутерьмы. Да и мысли как-то плавно перетекают с одного предмета на другой. Начнешь, к примеру, размышлять о Вселенной, а затем незаметно для самого тебя изворотливая мысль вдруг заставит задуматься об инопланетянах. От них же неожиданно перескочит к вопросу о вездесущности Господа Бога, затем к человеческим лишениям, бедности, а закончится и вовсе какими-нибудь арифметическими вычислениями. В конце концов, забудешь, с чего начались все эти раздумья. Впрочем, это уже совсем не важно. На душе как-то легко и покойно становится. Хочется записать на бумагу все свои думки – да тут же и забудешь об этом и начнешь вновь размышлять о чем-нибудь другом.

Электричка, то и дело останавливаясь на полустанках, медленно выползла из города. В темноте размытыми очертаниями проступили окраины.

– И почему все города всегда начинаются и заканчиваются одинаково – какими-то облезлыми коробками заводов, бараками, складами, ржавой брошенной техникой, – думал я, зная, что вскоре мысль перескочит на какой-нибудь другой более подходящий объект. – Разве нельзя построить на окраине красивые здания, а то въезжаешь в город, и радостное ощущение встречи с незнакомым тебе селением сразу же сменяется разочарованием. Везде одно и то же: мусор, грязь, хлам, ржавчина. Если бы весь этот бесхозный металл сдать, то, наверное, без особого труда можно заработать неплохие деньги.

Я тут же стал подсчитывать, какая выгода сулит предприимчивому бизнесмену, найдись такой. Арифметические расчеты нагнали дремоту. Под стук колес я начал засыпать...

– Люська-то Закладнова умерла. Вы, поди, ее знали, – выудил меня из забытья старушечий голос. Видимо, я все же каким-то чудом умудрился задремать на минуту-другую. Хотя, может быть, так только показалось, и времени прошло гораздо больше. Впрочем, мне без разницы: мимо своей конечной остановки я не проеду.

– А как же не знать? Знал, конечно, – ответил на вопрос невидимой старушки мужской голос. – Последний раз я ее видел годов пять тому назад. Хорошая женщина была, домовитая.

– А муж-то ее удавился полгода назад.

– Валька Закладнов? – удивился мужчина. – А из-за чего?

– Пить, говорят, после смерти жены начал. Уж больно сильно это дело полюбил. Напился как-то раз да и повесился.

– Да, да, да, – отозвался старик. – Пить – это плохо. Нельзя пить. Ну, выпил рюмку-другую, и хватит. А много пить нельзя. Плохо это.

– Да сейчас все лопают. Мужики-то еще ладно, а вот бабы – совсем беда. Напьются и валяются под заборами. Смотреть тошно. Машка-то Смирнова из Берчовки от вина померла. Сердце не выдержало.

– Машка?! Смирнова?! Померла?! Вот не знал. Когда же беда случилась?

– Да года полтора назад. А вы разве не слыхали?

– Нет. Я же в город перебрался. Редко кого из своих встречаю, – мужик надолго задумался.

– А вы Николай Ивановича, сына участкового, помните? – опять начал вопрошать старушечий голос. – Так он тоже помер.

– Да ну!

– Да... В городе на заводе работал. Домой возвращался – да и помер. А Нинку с дальнего конца помните? У нее избенка худая. У запруды стоит. Тоже померла!

– Что ж такое! – чуть не заорал я в голос. – Что за поминальная литургия. Этот помер, тот удавился... Поспать не дадут! Только, было, в кои-то веки заснул! И на тебе! – я попытался вновь погрузиться в ускользающий сон, но скоро понял тщетность усилий.

– Шурка с Балашихи тоже померла, – словно в насмешку, пробормотала бабулька. – А сын ее напился пьяным да утонул.

– Все! – решил я. – Теперь они не остановятся. Так и будут перечислять всех знакомых до посинения.

– Да ты что! Это плохо, плохо, плохо, – рефреном отозвался старик. Мрет народ-то.

Я искоса посмотрел на соседнюю скамейку. Там сидела пожилая пара. Старик с глубокими морщинами на лице глядел куда-то вдаль невидимым взором, словно перелистывал пыльные страницы своей памяти. Лица старушки не разглядеть. Одета, как и многие пенсионерки: в серый пуховой платок, старое пальтишко с потертым воротником из неизвестного науке животного и подшитые валенки. Изъеденные морщинами руки, подрагивая, лежали на коленях. Раздражение как-то сразу стихло и постепенно улетучилось. Вместо этого накатила грусть и жалость. Я вздохнул и уставился в окно. На улице уже почти рассвело.

Меня всегда поражало, как быстро и внезапно утренний свет изгоняет темень. Только что серая пелена покрывала все вокруг. Несколько минут – и уже светло. Как будто где-то там наверху кто-то невидимый включил светильник.

Сразу же проявились покрытые снегом стволы поваленных деревьев, заиндевелившие лапы зеленых елей. Лес мчался за окном вприпрыжку, покачивая на прощанье ветвями. Никогда не устаешь смотреть на природу. Вроде бы картина за окном одна и та же, и в то же время совершенно другая. Вот мелькнул пенек с огромной снеговой шапкой. Ворона растопырила шальные глаза. Склонившиеся ветки деревьев чуть колышутся от ветра. А сколько поваленных деревьев в лесу – не счесть. И никому до них нет никакого дела. Стояли когда-то, росли. Пришел их срок, грянули они на землю, да так и застыли подчас в самых нелепых позах.

– И Тонька Лукина тоже умерла, – вновь донесся до меня тихий неугомонный старушечий голос.

– Давно ли?

– О прошлом годе расхворалась она сильно. На постели лежала, не вставая, почитай несколько месяцев. А как-то дочь ее Настасья готовить удумала. Поставила на плиту сковородку с маслом. А сама умчалась куда-то, стрекоза! Масло-то и вспыхнуло. От него изба и загорелась. Прибежала Настасья-то, а уж поздно – полыхает вовсю. Тонька-то и сгорела. От дома только головешки остались.

– Да, да, да, – несколько раз задумчиво прогудел голос ее собеседника. – Плохо это, плохо, плохо. Все умирают. Никого, почитай, с нашего года не осталось. Все в земле лежат. Скоро и нам туда.

Электричка остановилась на одном из полустанков, название которых вылетает из головы почти сразу же, как только состав тронется в путь. Все они похожи друг на друга, как снежинки за окном. Летом утопают эти полустанки в зелени, весной и осенью в грязи, а зимой в сугробах. И все же каждый раз, вглядываясь в незнакомое тебе селение, пытаешься вообразить: как и чем живут здесь люди, о чем мечтают и на что надеются. Сколько таких деревенок разбросано по всей матушке-России, не счесть...

Электричка, вновь дернувшись, покатила своей дорогой.

– А у вас сколько детей? – поинтересовался старичок. Видимо, перебрав всех своих знакомых, собеседники перешли на собственные персоны.

– Двое у меня. Оба закончили в Москве институт. Выучились на строителей атомных станций. Сейчас торгуют на базаре. Не нужна их специальность никому. Работают с утра до вечера. Хорошие у меня дети. Мне, когда только 25 лет было, я с машины упала. Все лицо себе разбила. Живого места на нем не было. Двадцать операций в больнице сделали. Кроили меня врачи, штопали. Страшная я тогда была – жуть. Старшенькому тогда пятый годик шел. Он меня в больнице с мужем моим навещал. Как увидел в первый раз – на шею бросился. Я встать-то не могу. Рожу отворачиваю, а он плачет: «Мамка, ты у меня все равно самая краси-

вая»... Хорошие сыновья у меня, – повторила она и ненадолго замолчала. – Сейчас одна живу в Болотихе. Сыновья в городе. Да мне в деревне-то лучше. Огород, хозяйство есть. Дети иногда навещают, помогают деньгами. На пенсию-то не проживешь. Мужа Степана схоронила. Семь годков, почитай, как в земле лежит.

– Степан? – переспросил старичок. – Помню его хорошо. Хозяйственный мужик был. Да и вина мало пил. Сейчас-то люди все больше на водку налегают. А раньше-то как весело было. На вокзале гармонист играл, плясали все, веселились. Выпьешь рюмку красного, другую – и все. А сейчас... Я тут недавно в Павловск заезжал по делам. На рынке встретил Матвеевну. Она тебе родня вроде, – внезапно перескочил он с одного на другое.

– А то как же! Трюродная сестра. Так что мы с ней так вот... Ой, станция моя, чуть не проспала. Заговорила. Будете в Болотихе – милости просим. Рада буду. Ну, ладно. Даст Бог, свидимся.

– Свидимся, свидимся, свидимся, – печально согласился старик. – Прощайте. – Он стащил с головы шапку, встал и поклонился в пояс. Старушка посеменила к выходу. Едва она вышла на улицу, двери с лязгом захлопнулись, и электричка поехала дальше. Дед помахал рукой, прощаясь с землячкой. Через несколько остановок сошел и он. Стало тихо. Никто не мешал спать.

– Елки-палки, елки-палки, – стучали колеса, убаюкивая путников. Снова потянуло в сон...

Внезапно мне почудилось, что я стою в последнем вагоне электрички перед дверью, ведущей на улицу. Я распахнул ее. В лицо ударил свежий ветер. Внизу, на рельсах, стояли недавние попутчики. Они пристально смотрели вслед уходящей электричке. Заметив меня, старики улыбнулись и помахали на прощание. Взявшись за руки, они повернулись и медленно побрели прочь.

Чай с медом

Евгений Иванович Матвеев распахнул скрипучие дверцы шкафа и пробежал взглядом по темным закоулкам полок, заваленных бумагами. За огромной стопкой потрепанных тетрадей и толстых папок он нашарил тщательно спрятанную банку со спиртом. Потревоженная неожиданным вторжением, емкость затрясла от гнева жидкостью. За недолгое путешествие от шкафа до стола она дважды чуть было не выскользнула из трясущихся рук сельского врача. Солнечные зайчики, отражаясь от зеркальной поверхности спирта, сновали по полутемному кабинету, на миг освещая убогую обстановку.

Евгений Иванович уселся поудобнее в ветхом кресле и, поправив очки, придвинув к себе листы бумаги, выдернутые из тетради в клеточку. Взглянув на банку со спиртом, он вздохнул, словно старый морж, собиравшийся нырнуть в ледяную купель, и вывел на чистом листе: «Зайцы. Рассказ».

«Василий Никонорычев не просыхал уже неделю». Вспомнив, что, кажется, когда-то уже начинал один из рассказов подобными словами, Евгений Иванович зачеркнул написанное.

«Василий Никонорычев пил без продыху уже семь дней, – неразборчивым подчерком, какой бывает только у врачей и двоечников, написал Матвеев. – В его однокомнатной холостяцкой квартире, заваленной бутылками, было накурено и нестерпимо воняло помоями. Вася очнулся от сна. Сползши на грязный пол с кровати, он на четвереньках добрался до стола.

Башка трещала и требовала опохмела. Отыскав бутылку, Васька потряс ее и, услышав бульканье, улыбнулся...

– И чего это он у меня лыбится? – подумал Евгений Иванович. – С бодуна, и туда же – зубы скалит. Хрен меня с похмелуги рассмешишь – хоть тресни.

Врач плеснул из банки спирта в стакан и, зажмурившись, словно кот от яркого света, выпил. – Ну, да Бог с ним, пускай ржет, – подумал он о герое своего будущего творения. – Может, у него не сильное похмелье, а так – чуть-чуть.

Евгений Иванович заставил Ваську выпить без закуски стакан водки, закурить и, следуя заразительному примеру своего героя, тоже потянулся за сигаретами. Чиркнув зажигалкой, врач затянулся дымом и устался в окно. За ним всю шумела, щебетала и голосила поздняя весна. Березы, всплескивая на ветру гибкими ветвями, мели пыль возле стволов, словно работники учреждений, которых выгнали на субботник.

Старая деревенская больница стояла посреди рощи чуть в стороне от Березовки. Никто из местных жителей уже не помнил, почему именно так, а не иначе, назвали их деревню. Любопытным же заезжим гостям объясняли, что свое имя она получила из-за берез, коих растет в окрестностях превеликое множество. Но так это было или нет, никто точно не знал. По крайней мере, версия про березы выглядела более-менее правдоподобной. И дерево это жители небольшой деревеньки почитали и любили. Впрочем, березка мила для каждого русского сердца.

Какое не сравнимое ни с чем наслаждение испытывает человек, оказавшись наедине с самим собой в роще. Иногда невнятные чувства, которые невозможно выразить никакими словами, начинают тревожить душу. Наваливается безысходная тоска, и хочется залиться горькими слезами, выплакаться так, чтобы вся горесть сомнений и тяжесть прожитых лет ушла вместе с ними. Или хочется напиться вдрызг, горланить песни, плясать, как сумасшедший скomorох, творить дикие глупости, а потом свалиться под березу, проспаться и встать совершенно другим человеком. А иногда, прислонившись лбом к берестяному стволу, думаешь, как было бы хорошо, если бы жизнь оборвалась вот именно прямо сейчас, в сию же минуту...

Почему березы оказывают на человека такое чудодейственное воздействие, никто не знал. Евгений Иванович не раз размышлял об этом. В конце концов, врач решил, что, бродя в одиночестве среди берез, человек становится именно тем, кем является на самом деле. Он перестает притворяться и врать самому себе. Правда, потом, оказываясь среди себе подобных, опять начинает кривить душой. Но каждый раз, когда человек видит березу, то на краткий миг, который невозможно уловить, вспоминает, что на самом деле он совсем другой: честный, хороший и добрый. И не лукавил он перед собой тогда, когда был в роще. Может быть, именно поэтому русский человек так любит березы.

Сейчас Евгению Ивановичу хотелось вырваться на волю из опостылевшего за долгую службу кабинета и бежать куда глаза глядят: за тридевять земель, в тартарары, к черту на кулички, только куда-нибудь подальше. Нестись сломя голову, не оглядываясь назад, ни о чем не сожалея...

Евгений Иванович, вздохнув, вернулся к своей писанине. Он принудил Ваську еще раз выпить и закурить.

– Нет, так дело не пойдет. Сколько раз ни писал рассказы, а во всех и главные, и второстепенные персонажи только и делают, что водку с утра до вечера лопают. Как будто им больше заняться нечем, – с раздражением подумал врач и зачеркнул последний абзац. – А может быть, все оттого, что сам я с банкой спирта не расстанусь: яблоки от яблони... Ладно! Хватит Ваське бухать! Пора запускать еще какого-нибудь героя. Нужен человек, который наставит его на путь истинный.

«Тук-тук-тук, – постучал кто-то в дверь. Никонорычев хмуро посмотрел на нее и поплелся открывать».

– Ага. Это хорошо, – мелькнула мысль в голове у Евгения Ивановича. – У него и звонка нет. Допился, значит – пропил даже звонок. Это правдоподобно.

«На пороге стоял давнишний приятель Демьян».

– К тебе можно, Женька?

– Женька? Какой еще Женька, – в голос заорал Матвеев, вскочив как ошпаренный с кресла. – Почему Женька! Васька! Васька! – гаркнул врач и только тут заметил побледневшую, как полотно, старушку.

– Сам ты – Васька! Испугал до полусмерти, Ирод окаянный. Щас дам клюкой по кумполу, чтоб не обзывался. Я для тебя – Василиса Тимофеевна. Понятно!

– А, это ты, Тимофеевна, – стал оправдываться врач. – А я тут задумался немного и не заметил, как ты вошла.

– Так я же постучалась, а ты и говоришь: «Войдите». Я и вошла.

– А, ну, верно, верно, – пробормотал Евгений Иванович. – Звонка-то нет. Пропил.

– Какого еще звонка? – удивилась Тимофеевна.

– Да нет, нет! Это я так. Мысли вслух, – замахал руками Матвеев. – Проходи, проходи, садись.

Тимофеевна уселась на краешек стула и взглянула на стол.

– Опять пьешь и опять что-то пишешь. Все никак не уgomонишься. Целый шкаф, поди, писульками завален. А во сколько журналов ты свои пьяные бредни посылал? Сам, наверное, забыл. А ведь какая светлая голова у тебя была. Ты ж у меня в школе в отличниках ходил. Помнишь?

– Да помню я, помню! – огрызнулся Евгений Иванович.

Уже тридцать с лишним годков прошло с тех пор, как Матвеев закончил школу. Но каждый раз, разговаривая со своей первой учительницей, чувствовал себя провинившимся двоечником. А тут еще угораздило его назвать Тимофеевну по старой школьной кличке Васька, на которую та жутко обижалась.

Тем временем Тимофеевна продолжала пересказывать Матвееву биографию:

– После школы на врача пошел учиться. А домой вернулся и лечить стал, и пить, как лошадь. Не ждала я от тебя этого. Что ты пристал к этой дряни, – пальцем, как указкой, ткнула она в банку со спиртом. – Сидишь, сам с собой лопаешь. А помнишь, когда с учебы, с города вернулся, все говорил: «Буду людей лечить и писать, как Антон Павлович». Да ладно, чего уж теперь об этом говорить. Обратно жизнь не воротишь. Как сложилось – так и получилось, – старушка помолчала. – А я к тебе с жалобой пришла. Что-то в груди болит, и кашель не проходит. Посмотри, будь добр.

Красный, как вареный рак, врач принялся осматривать пациентку. Затем он уселся за стол и стал быстро черкать рецепт.

– У тебя, Василиса Тимофеевна, жуткий бронхит, – поправляя на носу очки, сообщил Евгений Иванович, – будешь принимать таблетки и пить чай с медом. Все пройдет.

– Опять чай с медом, – вздохнула Тимофеевна. – У тебя от всех болезней один и тот же рецепт. Бронхит прихватил, понос прошиб, или голова болит – чай с медом. Помнишь, год назад к тебе Колька Косой пришел. У него по телу пятна пошли. Ты Кольке тогда свое фирменное средство прописал. Чуть не помер мужик. Он на пасеку мед воровать поперся. Пчелы его и поцапали, как следоват. А у него аллергия на укусы оказалась. Когда чуток оклемался, он те едва морду на бок не своротил.

– Помню, – помрачнел Евгений Иванович. – Дикие, неграмотные люди. Чего с них взять! А чай с медом – первое дело от всех болезней.

– Может, и от рака спасает? – ехидно поинтересовалась Василиса Тимофеевна.

– А такой болезни и вовсе нет. Это все профессора в университетах напридумывали. Я даже одному академику статью на этот счет послал. Только он не ответил – занят, наверное, слишком.

– Да ну! – всплеснула руками учительница. – А от чего же люди умирают?

– От глупости и страха, – приосанился Матвеев и приготовился к пространной лекции об исцелении от несуществующей болезни. – Рак – это...

– Сам ты от глупости скоро помрешь, – оборвала его на полуслове Тимофеевна и поплелась к выходу. – До свидания, «Чай с медом»...

Выйдя из кабинета, она, постояв и подумав, пошла к другому врачу.

А Евгений Иванович вновь пододвинул к себе рукопись:

– Итак, на чем мы остановились...

«Заходи, – мрачно пробурчал Васька, впуская друга. – Выпить хочешь?»

– Ну вот, опять пьют, – вздохнул Матвеев. Заставив друзей выпить по стакану-другому и покурить, врач перешел к сцене перевоспитания Васьки.

«Слушай, сколько можно пить? – спросил Демьян. – Целыми днями напролет бухаешь. Тебе заняться больше нечем».

– Где-то я это уже слышал, – мелькнула мысль у Евгения Ивановича, но он не стал вспоминать, где именно, стараясь побыстрее закончить рассказ.

После долгих увещаний Демьяна Васька решил стать другим человеком.

«Все! – пообещал он. – Завязываю. С этого дня – ни-ни. Займусь делом. Буду делать бизнес – разводить зайцев.

– Кого-кого? – не понял друг.

– Зайцев, то есть кроликов, – пояснил Васька. – Знаешь, какое мясо сейчас дорогое? А плодятся они, ну, как... кролики.

Не откладывая дело на потом, он привел себя в порядок и поехал в город покупать пару породистых кроликов».

– Беда с этим Васькой, – занюхивая горбушкой хлеба очередную порцию спирта, удивлялся Евгений Иванович. – Придет же в голову такая бредовая идея. Кроликов он решил разводить.

Тем временем в рассказе происходили бурные события. Через полгода у новоявленного предпринимателя по клеткам сновало около сотни ушастого товара. Васька ездил на рынок, торговал диетическим мясом, шил кроличьи шапки. В кармане появились деньги. Евгений Иванович нарадоваться не мог на своего героя. От счастья он все чаще и чаще прикладывался к банке со спиртом. Но вдруг в его полупьяный мозг закралось сомнение.

– Не бывает так, – внезапно решил Матвеев. – У нас на Руси как обычно: начинают за здоровье, а кончают за упокой. Много ли я удачливых мужиков видел – почитай что никого. Тянут жилы, а толку – кот наплакал. Правильно кто-то из великих сказал: «Никогда мы в России хорошо не жили, не хрена и начинать».

Врач тяжело вздохнул и обрушил на голову бедного Васьки тридцать три несчастья. Все у него пошло наперекосяк. На зайцев напал жуткий мор. Они окоचурились в один момент. Осталась только одна пара.

«Он вынес зайцев во двор и усадил на пышную траву.

– Убирайтесь отсель, – мрачно произнес Никонорычев. – Ступайте куда глаза глядят. А то тоже подохнете.

Кролики, которые впервые очутились вне тесной клетки, ошалело таращились на солнышко.

– А ну, валите отсюда! – прикрикнул на них Васька. – Кролики продолжали неподвижно сидеть на траве. – Идите на хуй! – заорал разъяренный хозяин. – Ах, так! – Он ринулся в сарай и схватил то, что попало под руку.

Увидев несущегося с топором Василия, зайцы окосели окончательно. Они уселись на задние лапы и стали яростно скрести за ушами, словно на них внезапно напала чесотка.

Топор вывалился у Василия из рук. Злость вмиг улетучилась. Никонорычев рухнул рядом с зайцами и зарыдал, прижимая их к себе».

Ручка быстро бегала по бумаге, дописывая конец рассказа. Слезы текли по щекам автора. Наконец, он поставил точку и уткнулся лицом в ладони.

За окном все так же манили вдаль березы. Птицы звонко распевали песни. Одна из них подобралась к самому окну и, потренькав, принялась долбить клювом по стеклу. Стук становился все настойчивее.

– Ишь ты, неугомонная какая, – подумал Евгений Иванович. – И чего ей надо? – Он глянул в окно. Вместо птахи в стекло барабанила маленькая девочка.

– Настенька, – выдохнул Матвеев. – Внучка!

Распахнув окно, он втащил в кабинет трехлетнюю кроху.

– Ты откуда здесь появилась? А выросла-то как, – не слушая ответов, тараторил он.

– Бать! – раздалось с улицы, и в окне появился сын Матвеева Николай. – Заработался ты что-то. Мы тебя ищем-ищем. С ног сбились. Больницу-то давно закрыли, а ты все сидишь. Мы уж думали, случилось чего. Николай перекинул ноги через подоконник и шагнул в кабинет отца.

– А мы к тебе в гости приехали.

Он посмотрел на стол, заваленный кипами бумаг, и на полупустую банку.

– Ты все пишешь...

– Да это я так. Для себя, – стыдливо пробормотал Евгений Иванович. – Пока посетителей нет.

– А мы тебе подарок привезли, – Николай достал из-за пазухи небольшую книжицу. – Помнишь, ты в издательство несколько рассказов посылал? Так они опубликовали. Правда, тираж небольшой. В магазинах книги не найти. Раскупили все.

Не веря своим глазам, Евгений Иванович схватил книгу.

– Так что, отец, пиши больше, – улыбаясь, заметил сын. – Глядишь, классиком станешь.

– Больше? Да знаешь, сколько у меня этих рассказов? – Он подскочил к шкафу и резко распахнул дверцы. Из шкафа посыпались исписанные листы. – Тут на несколько томов хватит.

– Да... – озадаченно, – произнес Николай.

Помогая отцу собирать рукописи, он прикидывал, во сколько ему обойдется издание еще одной книги. Решив, что как-нибудь наскребет, Николай успокоился.

– Дедуська, я домой хочу, – пролепетала Настенька. – Посыли к бабушке.

– Сейчас, сейчас, родная, – сказал Евгений Иванович. – Уходить будем через окно.

Выбравшись наружу, врач снял с подоконника девочку.

– Сын, ты куда запропастился? Пойдем быстрее! – крикнул он, утопая в зеленом шуме берез.

– Сейчас иду, – отозвался Николай. – Он стоял у стола и читал последние строки только что законченного рассказа.

«Наплакавшись досыта, Василий успокоился. Прижимая к своей груди оставшихся в живых зайцев, он отправился домой. Долго в этот вечер Никонорычев сидел за столом, что-то подсчитывая и чертя на листах бумаги. Наконец, он отложил в сторону ручку.

– Все, – радостно сообщил Василий скакавшим под ногами кроликам. – Решено. С завтрашнего дня начну разводить шиншилл».

Рыбалка

1

Странная это штука – предрассветные сумерки. Все вокруг тебя теряет форму и четкие очертания, расплываясь шупальцами клякс. Знакомые предметы превращаются в неведомых существ, насупившихся и взирающих из-под косматых бровей. Перешептываясь, они злорадно сговариваются, как бы похитрей, поизысканнее и бесшумнее навредить вторгшемуся в их вотчину. Вот и сейчас, шагая по прямой, как стрела, тропинке, Николай Федорович не узнавал леса. Бывало, при свете деревья радостно приветствовали его птичьим щебетанием, помахивая ветвями рук. Сейчас же в утренней мгле они молча и злобно взирали на гостя. Встав дырявым частоколом, березы, клены и осины тянули к нему свои длинные лапы. Не раз они пытались сдернуть удочку с плеча путника, но та легко выскальзывала из корявых пальцев.

Каждый шаг отзывался тусклым гулом, будто шел Николай Ширяев не по земле, а по паркету. Иной раз казалось, что и не тропинка это вовсе, кружившая среди деревьев, а длинный коридор в каком-то пустынном захолустном учреждении. Сходства добавляли повороты. Они не были плавными, как обычно, а под девяносто градусов.

Николай Федорович, задумавшись, чуть было не шагнул в воду, но сумел вовремя остановиться. Так случалось почти каждый раз. Никак не мог приноровиться Ширяев к особенностям тропинки, выскакивающей прямо на берег.

Внезапно блеснувшее солнце, доселе скрытое лесом, на мгновение ослепило его заплывшими на воде золотистыми бликами. Николай зажмурился, а затем приоткрыл глаза. Сквозь узенькие щелочки век осматривал он знакомые окрестности. Ничего не изменилось с тех пор, когда он был здесь в последний раз, хоть и ловил рыбу обычно в середине дня или под вечер. Ни свет ни заря явился же впервые. Поэтому и пруд выглядел не так, как всегда: сонным, вялым и безмятежным.

Чуть заметный ветерок, дувший откуда-то сверху, морщил недовольную физиономию невыспавшегося за короткую летнюю ночь водоема. Покачивавшиеся ивы полоскали в иссиня-прозрачной воде блесны листьев, роняя мусор из зеленой шевелюры.

Местные жители прозвали водоем Иваном. Почему, они и сами не смогли бы растолковать. Впрочем, было одно объяснение. Пруд своими размерами и очертаниями напоминал сантехническое изобретение человечества – ванну. И рыбы там водилось – кот наплакал. Поэтому никто, кроме Николая Федоровича, и не рыбачил там. К попыткам Ширяева поймать в Иване хоть одну рыбку местные жители относились с насмешками. Но тот ходил на рыбалку даже не за уловом. Просто хотелось посидеть в тишине, подышать свежим воздухом и подумать. Подумать о чем-нибудь своем.

Постоянные ухмылки в конце концов надоели Николаю, и он решил рыбачить ни свет ни заря, чтоб никто не мешал.

Николай Федорович, выудив из консервной банки червяка пожирнее, насадил на крючок и забросил снасть чуть ли не на середину прудика. Гусиный поплавок булькнул и, на мгновение скрывшись в воде, медленно высунул малиновую макушку на поверхность.

– Ну, теперь ловись, рыбка, мала и велика, – прошептал Николай Федорович, усевшись на край отвесного берега. Оглядевшись по сторонам, Ширяев заметил, что не один. Неподалеку от него сидел незнакомец, который швырял в Ивана мелкие камешки.

– Шлеп, шлеп, шлеп, – словно капли из плохо закрученного крана.

– Утро доброе, – поздоровался Ширяев. – Тоже не спится? Что-то раньше я вас здесь не встречал. Вы, наверное, новенький?

Незнакомец кивнул головой.

– Рыбы здесь маловато, – продолжал разговор Николай. – Вот старики рассказывали, что раньше в Иване она кишмя кишела. Руками можно было ловить. А теперь сидишь целый день – и ни одной поклевки. Я уж какую только наживку ни пробовал: и червей, и хлеб, и даже тесто с анисовыми каплями мешал для запаха – ничего не помогает. Меня, кстати, Николаем зовут. А вас?

– Паша, – будто маслом плеснул на раскаленную сковородку незнакомец.

– Здесь рыба редко клюет, – продолжил Николай, – но если уж ухватится, то только крупная.

Павел молча продолжал кидать камешки.

– Странное дело, – пробормотал Николай, выуживая склизкого червяка из консервной банки. – Вот их едят рыбы. Черви растворяются и становятся как бы частью рыбы. Выходит, что все карпы, щуки и прочие караси состоят из червяков, которых люди и едят. Зачем тогда ловить рыбу, если просто можно копнуть пару раз и спокойно поужинать? Вам так не кажется?

Павел покачал головой.

– Вы не обращайтесь на меня внимания, – сказал Ширяев. Он поправил очки и вытер руки о полосатую пижаму. – Это я так. Рассуждаю сам с собой. Если хотите – развлекаюсь. Мысли, конечно, глупые. Но, согласитесь, любую нелепость можно запросто сделать истиной. Все зависит от того, кто и как это делает.

Вот вы, как и я, ни за что не поверите, что рыба – это на самом деле черви, которых она съела. И пить пиво с червями, а не с лещами, как и всякий нормальный человек, не будете. А если к моим абсурдным рассуждениям добавить высказывания пары-тройки ученых? Они заявят, что рыбы на 90 процентов состоят из клеток червей? Журналисты раструбят эту сенсационную новость. А от себя добавят, ссылаясь, конечно, на источники, внушающие доверие, что пища из червей помогает: женщинам сбросить лишние килограммы, у мужчин повышает потенцию, и вообще этот продукт совершенно незаменим для здоровья. На телевидении выйдет реклама. В ней звезды эстрады и кино станут красиво закусывать пиво замороженными червячками... Молодежи докажут, что закуска из червей – только для продвинутых людей. И постепенно все откажутся от жареной рыбы с лучком. Тем более, что новейшие исследования докажут: это блюдо вызывает рак, кариес и перхоть. Вот вам смешно, а в некоторых странах уже делают из червей печенье. И ничего – людям нравится.

Поэтому обмануть человека весьма легко. Тем более что напрягать извилины и отличать правду от лжи давно уже никто не хочет. Так жить проще. Скоро даже своим органам чувств перестанем доверять. Мерзость мы станем считать лакомым куском, вонь – благовонием, а уродливое – красивым. Тем более наши органы чувств весьма примитивны. Мы попросту не замечаем того, что творится вокруг нас на самом деле. Уши улавливают не все звуки, глаза видят только в определенном спектре, а нос уже давно превратился в бесполезный придаток. Вот сидим мы сейчас на берегу пруда. А может быть, это и не так вовсе. И все нам это только кажется.

Нет! Ничего не клюет в этом пруду! – вдруг сердито прервал собственные рассуждения Николай Федорович. – Бестолковое дело! Пожалуй, и, правда, надо подыскивать более рыбное место...

Ширяев замолчал и, задржав голову, уставился на солнце. Слепленный золотистым светом, он закрыл глаза. В темноте перед ним продолжал стоять огненный шар. Подождав, пока тот не испарится, Николай взглянул на поплавок. Гусиного пера не было.

Согнувшись на мгновение в дугу, удилище выбросило на берег карася чуть больше ладошки. Ширяев сначала даже не понял, что произошло. Но, опаматовшись, кинулся брюхом на плывавшую рыбку и засунул ее в пакет с водой.

– Все, сейчас клев пойдет, – потирая руки, объявил он и вновь закинул удочку. – Так на чем мы остановились?

– Доктор! Николай Федорович, куда вы запропастились?! – послышались совсем неподалеку. – Отзовитесь!

– Ну вот... Половил рыбку, называется. И тут нашли. Здесь, я здесь! – заголосил он.

Через несколько секунд зашуршавшие кусты выплюнули двух мужиков в белых халатах. Довольно странное зрелище представляли они из себя. Один из них был долговяз, бледен и длинноволос. Второй же, напротив, небольшого роста, с широкими плечами и красным, как свекла, лицом. Выпученными глазами он напоминал какую-то неведомую науке рыбку.

– С кем это вы тут разговариваете? – спросил худой.

– Да вот, Дмитрий – вздохнул Николай. – Объясняю Павлу, что рыбы в этом пруду немально. Только уметь ловить нужно. А он не верил, пока я карася не вытащил. Хороший такой карась. Грамм на двести – не меньше.

– Какому такому Павлу? – удивился толстячок.

– Да вон сидит, – кивнул Николай и повернулся к своему новому знакомому. Того на месте не оказалось.

– Видимо, ушел, пока я с карасем возился, – немного смутился Ширяев.

– Ну-ну, – переглянулись санитары. – Хоть улов тогда покажите...

Николай протянул им пакет с плескавшейся рыбиной. Те уставились на нее, как будто никогда в жизни не видели карасей.

– Действительно, карась, – наконец промямлил коренастый. – Ладно, пора собираться, Николай Федорович.

– А может, вы без меня сегодня как-нибудь обойдетесь?

– Нет, Николай Федорович. Без вас никак нельзя. Сами знаете.

Кряхтя, Ширяев поднялся с берега. Через минуту троица шагала среди деревьев. Рыбак, весело помахивая пакетом, насвистывал под нос какую-то незамысловатую мелодию. Он прикидывал, во сколько завтра проснуться, чтобы вновь пойти к Ивану.

Выйдя из зарослей, Доктор с подчиненными зашагали по асфальтированной дорожке, ведущей к желтому одноэтажному зданию клиники, утопавшей в зарослях полыни, репейника и крапивы. Пройдя сквозь скрипучую калитку, врач поднялся на крылечко и вошел в клинику.

В своем кабинете Ширяев первым делом выпустил карася в большой аквариум. Немного понаблюдав за тем, как ошалевшая рыбина приходит в себя, Николай Федорович подошел к окну и глянул сквозь запотевшие от времени стекла. Больные уже вышли на прогулку. Они медленно прохаживались, иногда собираясь в небольшие группы и беседуя.

Ширяев снял с себя полосатую пижаму и надел белоснежный докторский халат. На правом нагрудном кармане синими нитками были вышиты инициалы.

«НФС», – в который раз по привычке прочел Ширяев и улыбнулся. – Мой, именно...

Усевшись за поцарапанный стол, Николай Федорович достал из ящика папку:

– Не получилось у меня сегодня разговора с новым пациентом. Как его там зовут? Павел?

Открыв дело новичка, Доктор углубился в изучение бумаг. Так и просидел до самого вечера врач, изредка вставая и прохаживаясь в раздумьях по кабинету. Лишь когда из-за сумерек стало трудно разбирать буквы, Ширяев опомнился.

– Ничего себе, – удивился он, взглянув на часы. – Уже почти 10. Странно, что так время быстро пролетело. Пора, пожалуй, и на боковую. А-то завтра всю рыбалку просплю. Раздевшись, Ширяев запрыгнул в койку.

Ночью Николаю Федоровичу приснился странный сон. Карась, которого он поймал, выпрыгнул из аквариума и забился на полу в судорогах. Задние плавники вытянулись и превратились в ноги с лапами, а передние обернулись руками. Только голова осталась рыба. Похватав оскаленным ртом воздух, полурыба встала на ноги и прошлепала к выходу.

2

Почему-то во всех больницах двери неплотно примыкают к косякам. Ночами через щели из коридора пробиваются узенькие полоски света, расчерчивая стены и потолки палат. У пациентов, которые подолгу лежат в больницах и мучаются бессонницей, эти лучики вызывают неприятные чувства. Кажется, что ты один на всем белом свете, позабыт-позаброшен и абсолютно никому не нужен. Лишь звуки дают понять, что есть еще люди на этом свете. Вот кто-то из соседней палаты прошаркал тапочками по паркету, отправляясь по своей надобности. Скрипнула дверь в туалете. Зажурчал ручеек, и вслед за этим заревел недовольный таким оборотом дела унитаз. Потом вновь шарканье и скрип двери – ночные звуки в клинике не отличаются разнообразием. А когда кому-нибудь становится плохо, добавляются новые – стоны, сдержанные крики команд, топот и кашель разбуженных людей. Но поменьше бы таких звуков...

Дмитрий большую часть своей жизни провел в клинике. Там он и дневал, и ночевал. А потому тоже не любил надоедливые лучи, пробивающиеся в палату из коридора. Вот и сейчас, отдыхая после работы, он с ненавистью смотрел в потолок, где разлеглась полоска света. Наконец, тяжело вздохнув, он сел на кровати. Та жалобно скрипнула – еще один привычный звук ночи.

– Ты не спишь что ли? – раздалось с соседней кушетки. Вадим приподнял голову с тощей подушки. – Я тоже. Никак не привыкну здесь. Неудобно спать – сетка чуть ли не до полу про-

вешивается. Того и гляди, спину сломаешь. Неужели нельзя нормальные кровати поставить, а то так в верблюда недолго превратиться. Ходи потом с горбом, пока тебя могила не исправит. Да еще мысли в голову всякие лезут. Бывало, так полночи проворочаешься с боку на бок. Думаешь, думаешь обо всем на свете. Аж мозги набекрень. В башке черт-те что творится. Лежишь, пытаешься поймать ускользающие даже не мысли, а какие-то их обрывки. Только-только покажется, что поймал. Бац – она и исчезла. И все заново начинается. Бред какой-то! У тебя такое бывает?

– Да. Как и у всех, – ответил Дмитрий. – Всякое в голову ночью приходит. Я вот в последнее время все о матрешках думаю. Ну, точнее, не о раскрашенных куклах, а о об их принципе... Понимаешь, это вроде как жизнь человеческая... Вот, к примеру, есть самая маленькая кукла. Это как бы младенец. Потом он подрастает, и матрешка-младенец прячется в другую – побольше. Еще вырос – новая матрешка. И так, пока смерть не придет. Это самая большая матрешка – последняя.

– Н-да, – промычал Вадим. – Понимаю. Вроде как форма и содержание литературных произведений, про которые нам в институте рассказывали. Они как бы друг на друга влияют. Плохо уж помню. Если это к твоим матрешкам привязать, то получается, что самая маленькая матрешка – идеал. Она же из цельного дерева сделана. В нее уже ничего не запихнешь. Есть в ней и форма, то есть внешний вид, и содержание – то, что принято называть душой. Позднее человек подрастает и становится школьником. Причем происходит это именно тогда, когда на него ученическую форму надевают. Правда, не везде она есть, но сути дела это не меняет. Ведь имеется же у каждого ученика одежда, в которой он ходит на занятия. Таким образом, маленькая матрешка – младенец помещается в еще большую – школьника. Заметь, что младенец никуда не девается, а сидит преспокойно себе внутри. Затем человек либо идет в армию, где ему выдают форму, либо в студенты. Дальше работа где-нибудь на предприятии, заводе, в учреждении – неважно... Опять новая матрешка. И так до бесконечности, пока на человека не наденут последнюю форму – костюм либо платье с белыми тапочками.

Н-да. Если так рассуждать, то из-за этих самых форм и сущность человека-то меняется. Нацепи, скажем, генеральский китель, и подольше поноси, так со временем и станешь считать себя генералом. А что до этого носил, и не вспомнишь. Будешь думать, воспринимать одежду, как собственную кожу. Поэтому самое главное в нашей жизни – это одежда.

Хотя на самом деле ерунда все эти рассуждения. Как будто нельзя свою кожу от одежды отличить?!

– А может, просто не хотим? Ведь так удобнее и спокойнее. К тому же мы настолько отупели, что уже просто не в состоянии воспринимать вещи в том виде, в котором они существуют на самом деле.

– Занятно. Вот только доказательств всему этому нет!

– Ну, почему? – Дмитрий поднялся с кровати и включил свет. Вадим на мгновение зажмурил глаза.

Когда он их открыл, то приятель ходил по палате, дожидаясь, пока тот по привычке к свету.

– Возьмем, к примеру, нашего Доктора – Николая Федоровича. Что ты о нем можешь сказать?

– Насколько я успел заметить, у него «не все дома», – стал рассказывать Вадим. – Это надо же удумать – ловить рыбу в Иване!..

– Ты думаешь, это странно?

– Странно? Я бы назвал это другим словом! Я понимаю, любит человек рыбу ловить. Ну, и иди себе на пруд или озеро. Зачем на краю ванны-то сидеть? Кстати, какое-то странное название в нашей психушке дали этому корыту – Иван. Еще бы Петром назвали. Сидит этот псих Ширяев каждый день в помоечной и счастлив выше крыши. Сегодня вот с каким-то

Пашей познакомился. С душем что-ли? Черт его знает. Птички, видите ли, у него поют. Деревья кругом растут. Ага! Пока до ванны по коридорам топаешь, лишь фикусы всякие в кадках встретишь. А ему лес дремучий кругом. Идет, радуется... Ну что, не псих разве? Ладно, хоть не буйный. Видимо поэтому ему администрация разрешает чудить.

– Хорошо, допустим, ты прав, – загрустил Дмитрий. – А как же Доктор умудрился в ванне поймать карася? Там рыбы, сам знаешь, нет...

– Вот это-то самое удивительное, – развел руками Вадим. – Сам ума не приложу. Разве что для смеха кто запустил... Вот рыбина с голодухи на крючок и насадилась.

– Может быть, – еще задумчивее заметил Дмитрий. – Ты считаешь Доктора психом, а где этому доказательства?

– Я ж тебе только что все доказал! – изумился Вадим.

– Нет, подожди. Ты только поведал о том, что чудится Доктору, и что сам видишь. Почему ты думаешь, что его видения лживы, а твои – нет. А может быть, все наоборот?

– Да тогда бы не твой любимый Доктор в полосатой пижаме ходил, а я!!! – взорвался Вадим.

– Вот мы и возвращаемся к теории матрешки. Ты же сам утверждал, что люди видят лишь то, что снаружи, а не то, что внутри. О человеке мы судим по одежке, а его истинную сущность не замечаем!

– Да чего я не замечаю?! – заорал Вадим. – Вот халат санитаря, – он рванул одежду на груди, так что пуговицы разлетелись по сторонам. – Под ним ничего нет, жара потому что несусветная! Или ты скажешь, что сейчас на улице сугробы?!

– Этого я говорить не стану, – печально проговорил Дмитрий, уставившись на приятеля. – Хотя все может быть.

Вадим проследил за взглядом Дмитрия. Опустив глаза, он взглянул на свою голую грудь. Пропотевшая от жары кожа была сероватой. Грязь постепенно темнела, приобретая синий оттенок. Потёки пота, оставившие светлые борозды, становились все ярче. Не прошло и полминуты, как они превратились в белые ровные полосы. Вадим с ужасом смотрел на превращения. Обхватив внезапно разболевшуюся голову, он рухнул на кровать и, уткнувшись в подушку, завыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.